

ЖАНРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЙ Г. ТУКАЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Э.Ф.Нагуманова (Казань, Россия)

Bu makalede G.Tukay'ın şiirlerinin Rusçaya çevirilerinde tür iletimin sorunuyermaktadır. Doğu poetikanın geleneğinde yazılmış olan Tatar şairin şiirlerinin çevirisinde türün düzeyinde emeydana gelmiş dönüşümsel değişiklikler düşünülmektedir. Eğer çeviriArap-Fars şiirinin tür biçimlerinin geleneksel kavramlarıyla tanışmış olan ve orijinal ile çalışan şair tarafından yapıldıysa nazım şeklinin daha az değişmiş olduğunu vurgulanmaktadır.

В творчестве Г.Тукая проявляется тесная связь с восточной поэтической культурой. Татарский поэт, в частности, осваивал многие традиционные жанры средневековой поэзии: газель, касыда, кыт'а, руба'и, месневи и др. Он прекрасно владел арабо-персо-тюркской квантитативной системой «аруза», многие его стихотворения были написаны, по словам Х.Курбатова, такими разновидностями аруза, как рамал-и мусамман-и махзуф и рамал-и мусаддас-и махзуф [Курбатов, 2005, с. 52].

В данной статье в центре нашего внимания оказались стихотворения Г.Тукая, написанные в жанре газели, кыт'а и насихат, и их переводы на русский язык, выполненные в разные периоды. Цель статьи – показать, какие трансформации на уровне жанра происходят в разновременных переводах.

Жанр в восточной поэтике в большей степени обусловлен формами стиха, поэтому в отличие от традиционных любовных газелей поэтов арабо-мусульманского Востока, Тукай, сохраняя лишь формальные принципы рифмовки стиха, создает газели, в которых поднимает актуальные для общества социально-политические вопросы. Примером служит стихотворение «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда»), которое по форме является газелью (порядок рифмовки а-а, б-а, в-а...) и состоит из 10 бейтов

(бейт – стих, состоящий из двух строчек), написано в традициях средневекового аруза.

Переводчики середины XX века, как правило, переводили стихотворения Г.Тукая по подстрочнику, что приводило к разрушению жанрового канона, в современной переводческой деятельности наметились другие принципы перевода, о которых, в частности, пишет В.С. Думаева-Валиева: «Время подстрочника ... кончилось. На авансцену выступил подлинник – бог, царь и повелитель переводчика, а также главный подсказчик и основной ключ в руках переводчика» [Тукай, 2006, с. 6].

Самый известный перевод стихотворения «Өзелгән өмид» («Разбитая надежда») принадлежит А.Ахматовой, которая, будучи оригинальным русским поэтом, стихотворения Тукая переводила по подстрочнику. В русском переводе сохраняется строфическое деление, но жанровая форма газели не воссоздана (Ахматова не сохраняет порядок рифмовки). Аруз Тукая передан в традициях силлабо-тонического стихосложения, перевод осуществлен 7-стопным хореем, который в принципе по ритмическому строению близок к излюбленному метру Тукая – рамалю. В переводе отдельных бейтов сохранено даже количество гласных звуков, А.Ахматова, благодаря особой напевной интонации, смогла передать трогательно-сентиментальное отношение татарского поэта к своей матери, однако в переводах некоторых бейтов традиционная напевность тюркского стиха не передана:

И мөкаддәс моңлы сазым! уйнадың син ник бик аз?

Син сынасың, мин сүнамен, айрылабыз, ахрысы!

Саз мой нежный и печальный, слишком мало ты звучал.

Гасну я, и ты стареешь... Как расстаться мне с тобой? (Перевод А.Ахматовой).

В арузе важно сохранить однообразие стоп, что возможно за счет татарского сингармонизма. Как отмечает Х.Курбатов, «если говорить о

моногрифменности газели, касыды и кыт'а, то совершенно ясно, что здесь каждое произведение само по себе как бы представляет особую единую строфу, или вернее, единую стихотворную тираду» [Курбатов, 2005, с. 54]. Такую особенность поэтической речи сложно воспроизвести в переводах.

В большей степени напевность тукаевского стиха сохранена в переводе В.С.Думаевой-Валиевой, которая в совершенстве владеет татарским языком и, несомненно, знакома с традиционными формами арабской поэзии. Хотя принцип рифмовки в ее переводе также не сохранен.

Обратимся к переводу приведенного выше бейта:

Саз мой звучный, саз священный! Что ж играл ты так недолго?

Ты умолкнешь, я угасну, уж не свидимся отныне.

В переводе бейта Думаева-Валиева учитывает как формальные принципы строения тукаевского стиха, так и содержание, данный перевод является примером адекватной передачи особенностей татарского стиха на русском языке.

В советское время переводчики стихотворений Г.Тукая вступали в диалогическое отношение с татарским поэтом, причем «чужое» априори в переводах становилось «своим». Это касается в первую очередь жанрового своеобразия стихотворений Тукая. Еще один пример адаптации стихотворения – касыда Тукая «Валлаһи» («Видит Бог!», перевод С.Малышева), посвященная восхвалению природы. Рифмовка касыды совпадает с газелью, но в композиционном плане стихотворение татарского поэта состоит из 4 бейтов, поэтому можно сказать, что перед нами только первая часть касыды – несиб – описание. При описании природы Тукай использует множество метафорических выражений. В переводе полностью трансформируется ритмический рисунок оригинала: формальное сохранение строфического деления и рифмовки (а-а, б-а, в-а...) может, на первый взгляд, показаться сохранением особенности тукаевской касыды. Однако перевод, осуществленный 5-стопным хореем, полностью ломает традиционный рисунок аруза, использование поэтических штампов («день чудесный»,

«сладкий воздух», «вольная степь») придает философскому стиху Тукая излишнюю простоту.

В качестве доказательства тезиса о том, что жанровые принципы в большей степени сохранены в переводах, выполненных не с подстрочника, а оригинала, обратимся к переводу этого же стихотворения Думаевой-Валиевой. Она предпочитает не переводить название стихотворения, дает лишь комментарий: «Валлахи» – «Ей-богу».

Рассмотрим первый бейт.

Валлаһи, и валлаһи, и валлаһи,

Бахте барлар кырда жэйти, валлаһи!

Ой, ей-богу, ой прекрасно до чего!

В летнем поле день чудесный, видит Бог! (Перевод С.Малышева).

Валлахи, о валлахи, о валлахи!

Что за счастье – степь и лето, валлахи! (Перевод В.Думаевой-Валиевой).

Как видим из приведенного примера, Думаева-Валиева не пытается адаптировать татарский стих под принципы русского стихосложения, для нее важнее передать интонацию оригинала, поэтому она в большей степени стремится к дословности, избегает поэтических штампов.

Эти же особенности мы наблюдаем при рассмотрении переводов стихотворений Тукая, написанных в жанре насихат и кытга. Чаще всего трансформируют жанр переводчики, которые работали в советскую эпоху, и причины этого кроются как в подходах к переводимому материалу, так и в экстралитературных факторах.

Кытга (с арабского – «отрезок», «кусочек», «поэтический фрагмент») – является одной из древних жанровых форм лирической поэзии восточных литератур. Объем кытга в основном 2-3 бейта, схема рифмовки: б-а, в-а, г-а [Шарипов, 2001, с. 298]. Как отмечает узбекский исследователь Р.Арзибеков, «сжатость, афористичность и содержательность выражения мысли являются

отличительными качествами кытга, своеобразны также изобразительные средства и художественные приемы их создания» [Арзибеков, 1983, с. 19].

Все эти особенности жанра проявились в стихотворении Г.Тукая. Он размышляет о своем жизненном пути, о тех преградах, которые он не сумел преодолеть: *Керләнен беттем үзем, дөнъяны пакъли алмадым.* Поэт использует множество эпитетов и метафорических выражений, его фразы насыщены глубокой мыслью.

Семен Липкин называет стихотворение «Отрывок («Сил молодых...»)), русскоязычный читатель может понять, что перед ним отрывок из более объемного произведения, хотя стихотворение Тукая закончено. Думаева-Валиева не переводит название, дает лишь комментарий к слову кыйтга – отрывок, часть. Н. Хисамов говорит о переводах Думаевой-Валиевой следующее: «Переводы стихов «Светлой памяти Хусаина», «Кыйтга» и «Буран» выполнены с большим мастерством. Особенно талантливо и точно переданы образ мысли Тукая, философский склад его личности и выводы о нравах нашей жизни...» [Тукай, 2006, с. 233].

В целом оба переводчика создают образцы адекватного восприятия тукаевского стиха, о чем свидетельствует перевод последнего бейта:

Кайтмады үч, бете көч, сынды кылыч – шул булды эш:

Керләнен беттем үзем, дөнъяны пакъли алмадым.

Хотел я мстить, но ослабел, сломался мой клинок,

Я весь в грязи, но этот мир очистить я не смог. (Перевод С.Липкина).

Неотомщен и изнемог, и сломан меч – таков итог.

Забрызган с ног до головы, но мир отмыть не смог. (Перевод В.Думаевой-Валиевой).

При переводе стихотворения Тукая, написанного в жанре насихат, трансформационных изменений на уровне названия и формы стиха не происходит. Название «Нэсыйхэт» переведены как «Наставление» (Р.Моран) и «Назидание» (В.Думаева-Валиева). Однако, с нашей точки зрения,

отдельные образные выражения и строки Тукая наиболее удачно переданы Думаевой-Валиевой. К примеру, строка *Син кеби һәм ул теләнчеләр дә – Алланың колы* переведена Мораном *Как ты – он божий раб, и это запомни навсегда* (В переводе Думаевой-Валиевой: *Он, как и ты, хотя и нищий, Аллаху он такой же раб*). В данном случае Моран сглаживает национальные и религиозные отличия двух народов, адаптирует стихотворение татарского поэта под традиции принимающей культуры. Думаева-Валиева стремится воспроизвести все уровни оригинала, о чем она пишет в предисловии к своим переводам: «В основе современного перевода лежит воспроизведение музыкального облика стихотворения, его интонации. Поразительным образом без этого оказывается невозможным и сколько-нибудь точное воспроизведение его содержания [Тукай, 2006, с. 5].

Итак, как показывает анализ переводов стихотворений Г.Тукая на русский язык, переводчики чаще всего адаптировали произведение татарского поэта под традиции русской стихотворной лирики. Во многих переводах терялись жанровые признаки татарских стихотворений. Это объясняется тем, что переводчики стремились, прежде всего, идентифицировать собственную культурную специфику, показать близость двух литератур. Жанровые и формальные принципы стихотворений в большей степени сохранены в переводах поэтов, работающих с оригиналом и знакомых с традициями восточной поэтики, в частности, Думаева-Валиева смогла в большей степени приобщить русскоязычного читателя к традиционным формам восточной поэтики, сохраняя форму и содержание стихотворений Тукая.

Литература

- Арзибеков Р. Поэтика и пути развития лирических жанров узбекской классической поэзии: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Ташкент, 1983. – 33 с.
- Курбатов Х. Ритмика татарского стиха. – Казань, 2005. – 92 с.
- Тукай Г. Сайланма эсэрләр: шигырьләр, поэмалар һәм чәчмә эсэрләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 480 б.

Тукай Г. Избранное; Перевод с татарского В.С.Думаевой-Валиевой. – Казань: Магариф, 2006. – 239 с.

Тукай Г. Избранное: Стихи и поэмы. Сост. Г.М.Хасанова, С.В.Мальшев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006. – 192 с.

Шарипов А.М. Зарождение и становление системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII – XIV вв.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 364 с.